

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В РОССИИ: МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕИСТОРИЧЕСКИХ ИМПЕРАТИВОВ

Т.А. Корниенко
(Россия, Армавир)

В этой статье автор обращает внимание на специфические черты российской модернизации в ее исторической ретроспективе. Анализируется роль внешних и внутренних факторов в процессах политической трансформации российского государства. Обозначена специфика российской политической модернизации, обусловленная национальными традициями и инновациями. Среди них – повышенная роль государства, особый статус политической элиты как субъекта модернизации, авторитарные методы осуществления, консервативный характер преобразований и др.

In this article the author pays attention to peculiarities of the Russian modernization in its historical retrospective show. The role of inner and outer factors is analyzed in the processes of political transformation of the Russian state. The specificity of Russian political modernization caused by national tradition and innovations is designated. Among them there is a role of the state, the special status of political elite as a subject of modernization authoritative methods of realization conservative character of transformation, etc.

Ключевые слова: модернизация, государство, политический процесс, политическая власть, политические традиции, инновации.

Key words: modernization, state, political process, political power, political tradition, innovations.

Политическую модернизацию можно определить как формирование, развитие и распространение современных политических институтов, практик, а также современной политической структуры [2, с. 84]. При всем многообразии своих целей и форм развития политическая модернизация предусматривает [5, с. 15]: 1) демократизацию общественной жизни; 2) создание дифференцированной политической структуры с высокой специализацией ролей и институтов; 3) создание современного суверенного государства, играющего более важную роль в жизни граждан, чем в традиционном обществе; 4) упрочение правового государства; 5) рост численности полноправных граждан, их активное политическое участие в институциональных формах; 6) замещение традиционных элит на «модернизаторские»; оформление рациональной политической бюрократии как доминирующей силы управления и социального контроля; 7) качественный скачок в уровне осведомленности граждан о политике благодаря массовой коммуникации и свободным СМИ.

Политическая модернизация представляет собой качественное обновление политики, которая является неотъемлемой составной частью политического процесса. Суть и цель политической модернизации заключается в своевременном выявлении назревших проблем, использования инноваций для их успешного разрешения и поступательного развития общества [27, с. 182].

Однако названные проявления политической модернизации отражают опыт развития Западной Европы и Северной Америки в XVI – XX вв., в известной степени, неповторимый. Однако, сущность, способы и темпы модернизации своеобразны. Они зависят на практике от социокультурных традиций обществ, самобытности устоев, укладов. Современные теории политической модернизации признают цивилизационную специфику в качестве важнейшего фактора смысла и форм преобразований; подчеркивается роль ментальных факторов новшеств; учитывается длительность и противоречивость последствий модернизации в различных социокультурных ареалах [3, с. 124], один из которых – Россия.

Для российской модернизации специфичным было ее темпоральное «измерение», выразившееся в длительности (затяжной характер модернизации) и незавершенности, что порождает различные модели анализа. Одним из методологических постулатов современной политической науки стал отказ от линейных схем при рассмотрении динамики политической системы. Появились более сложные конструкции, главным образом связанные со сравнительным изучением процессов политической модернизации и демократизации, основанные на концепциях, предполагающих

различные траектории преодоления качественных рубежей развития [9]. Одни из них – циклические и волновые модели, способные описать разные типы и режимы политических систем – эволюционный, инволюционный, круговой, колебательный, «скачкообразный» и др. Концепции российских циклов разрабатывают А. Ахиезер, Р. Вишневецкий, Д. Драгунский, В. Лапкин, С. Нефедов, В. Пантин, В. Пастухов, Ю. Пивоваров, Н. Розов, А. Фурсов, А. Янов и др.

Для анализа политической истории России используются различные циклически-волновые модели. Рассматриваются, в частности, большие 144-летние циклы: 1881–2025 гг. (В.В. Лапкин, В.И. Пантин) [17]. Существует концепция, согласно которой значимые политические события в российской истории происходят через каждые 12 лет: с 1761 по 2001 г. Выделяются также 65-летние и 130-летние циклы российской истории (В.М. Пашинский) [19, с. 32].

По мнению Е.Н. Мошелкова, методологически точнее и правильнее говорить не о циклах и волнах политического (и в целом социального) процесса, а о нелинейной социально-политической динамике [13]. Исследователь опирается на теорию длинных волн Н. Кондратьева, в рамках которой были выявлены закономерности, или «эмпирические правильности», которые дают ключ к пониманию нелинейной природы движения общества. Особенно значима вторая «эмпирическая правильность», суть которой Н. Кондратьев сформулировал так: «Периоды повышательных волн общих циклов, как правило, значительно богаче крупными социальными потрясениями и переворотами в жизни общества (революции, войны), чем периоды понижающих волн» [12, с. 15], то есть длинная волна отражает не только динамику и противоречия экономики, но и сложную взаимосвязь экономической и социально-политической сфер общества.

Целью нашей статьи не выступает подробный анализ теоретико-методологических подходов модернизации, поскольку схемы и концепции достаточно многочисленны. Общее, что их объединяет – выявление специфики политической модернизации в России, ее пространственно-темпоральных свойств, и выявление общесторических императивов.

Однако следует вопрос: можно ли рассматривать политическую модернизацию как часть модернизации экономики и культуры? Существует ли тенденция «наложения» изменений друг на друга или же трансформации общественной жизни определяют друг друга? Большинство исследователей отмечают незавершенность модернизации, в том числе и в политической сфере.

Практически все российские модернизации носили избирательный, неравномерный характер, выражающийся опережением в экономике и запаздыванием в политике. Проведение комплексной модернизации предпочтительнее частичной, однако одновременное решение модернизационных задач во всех сферах общественной жизни возможно лишь при наличии определенных ресурсов (то, что Ф. Франкел на примере Индии назвал «постепенной революцией»). Истории известны примеры, когда проведение только экономических преобразований на основе индустриализации без изменения политических институтов приводило к весьма успешным результатам (Турция, Япония, Индия, Китай, страны Латинской Америки, Юго-Восточной Азии и Африки).

Если мы будем рассматривать политическую модернизацию как незавершенную, нелинейно-поступательную, то очевидно она имеет отправную «точку отчета» и в достаточно растянутом во времени процессе можно выделить этапы (периоды) системных преобразований и время модернизационных «откатов» или «срывов». Можно ли связать начало определенного этапа модернизации с преобразованиями в системе государственного и местного управления? Российская история может дать достаточно примеров блестящих реформ, в ходе которых были созданы новые государственные органы с четко очерченными полномочиями и компетенцией. Очевидно, нет, поскольку сущность политической модернизации состоит не только в создании определенных институтов системы государственного управления, но и в эффективности их деятельности в

процессе перехода от традиционных структур к инновационным, доказывающим легитимность власти, либерализации политической сферы общественной жизни.

Ряд исследователей определяют начало модернизационных циклов с преобразований Петра I, другие выделяют в качестве начального этапа модернизации сер. XVII в. [23, с. 10]. А. Янов предлагает соотнести раннюю стадию с западноевропейской [31, с. 5]. В.И. Пантин и В.В. Лапкин отправную точку политической модернизации связывают с началом XIX в. [18].

Л.С. Семенникова предлагает выделять пять самостоятельных вариантов модернизации: Петровская модернизация; модернизация второй половины XIX в.; модернизация начала XX в. («Столыпинская»); «Сталинская» модернизация; современная модернизация [26, с. 44]. О.В. Гаман-Голутвина расширяет хронологические рамки модернизационных изменений в российской истории и выделяет следующие этапы политической модернизации: создание централизованного государства в конце XV в.; реформы Ивана IV; Петровские преобразования; модернизация середины XIX в.; индустриализация конца 20–30-х гг. XX в.; современный этап модернизации [6, с. 38].

В.И. Пантин и В.В. Лапкин связывают модернизационный цикл в России с «активными фазами» реформ и контрреформ, и промежуточными фазами перехода соответственно от реформ к контрреформам и наоборот. Таким образом, по мнению исследователей, цикл, или волна, модернизации (6 циклов) выглядит следующим образом: либеральные (либерализующие систему) реформы – переход от реформ к контрреформам – антилиберальные контрреформы – переход от контрреформ к реформам [18, с. 43]. Полагаем, что контрреформы можно рассматривать как модернизационные срывы, когда вновь возрождается сакрализация государства как единственно-значимой политической силы и усиливаются автократические властные традиции.

Модернизация происходит во внешней и внутренней среде при наличии определенных факторов, способствующих изменению общественной системы.

В качестве фактора, способствующего модернизации, К. Клейн обратила внимание на шок, который, по ее мнению, претерпевают все общества в условиях модернизационного изменения [11, с. 12]. Для России конца XVII – начала XVIII в. в качестве шокового потрясения можно рассматривать сближение с Европой, неудачное начало Северной войны, для середины XIX в. – поражение в Крымской войне, для конца 20 – начала 30 гг. XX в. – военно-политическое противостояние с капиталистическим Западом. В указанных случаях политическая элита осознавала отставание в развитии военной техники, промышленности, средств транспорта от стран Запада и настоятельную потребность его преодоления. Н.В. Загладин так же полагает, что возникновение консенсуса для возникновения перемен в России обуславливалось по рождением внешних факторов, поражений в войне [7, с. 31]. Я.А. Пляйс обуславливает модернизации в России успешными революциями на Западе, которые открывали путь ускоренному социально-экономическому прогрессу [21, с. 6].

Как показывает исторический опыт российской политической модернизации, она проводилась в предельно сжатые сроки. При этом, по мнению С. Хантингтона, чем быстрее протекал процесс модернизации, тем отчетливо проявлялась необходимость силовых, авторитарных методов регулирования социально-экономических процессов [32, с. 110]. Однако нельзя говорить о наличии определенной закономерности проведения модернизации на начальном этапе только при помощи авторитарных методов. Такой вывод, как полагает Н.В. Загладин, игнорировал бы многие грани исторического опыта, свидетельствующего, что в тех случаях, когда в обществе возникал консенсус относительно необходимости перемен, какие либо принудительные меры не требовались [7, с. 31]. Чаще всего на протяжении весьма длительного периода времени наблюдается не линейный и не односторонний переход от авторитаризма к демократии, а смешанный тип модернизации, сопровождающийся чередованием периодов доминирования то авторитарных, то демократических тенденций [18, с. 43].

Быстрые темпы трансформаций обуславливают такую специфическую черту модернизации российского государства и общества, как консервативный характер. Так, Э.Я. Баталов, А.Д. Богатуров определяют место России среди тех стран, кото-

рые, стремясь к обновлению всех сфер общественной жизни, ориентированы на сохранение или медленную трансформацию традиционных ценностей, институтов и отношений. Россия живет не модернизацией, но стабилизацией, зачастую выражающейся в консервации политических институтов. Сосредоточенность на модернизации ограничивает потенциал политических акторов во внутривластной ситуации, заставляя концентрировать внимание на ликвидации скудной ресурсной базы начатых трансформаций.

Модернизации в России носили авторитарный характер. Своеобразие политической модернизации российского общества состоит в том, что она инициирована сверху и предопределяет сегментарную и фрагментарную поддержку в электоральном пространстве [28, с. 21]. Государство всегда выполняло противоречивую роль: с одной стороны, оно выступало инициатором изменений, и в то же время представляло собой инертную структуру, мало соответствующую природе преобразований и блокирующую естественное разрешение противоречий. Авторитарные методы осуществления модернизации и контроля рассматривались как легитимные, способные принести более эффективный результат в использовании ресурсного потенциала модернизации. Положительным моментом в осуществлении политической модернизации государством можно считать концентрацию всех ресурсов и усилий для осуществления преобразований. Однако модернизация «посредством "революции сверху"» не учитывает социокультурную специфику страны... В модернизационных усилиях государства общество, хозяйственный строй, культура и т.п. всякий раз выступают лишь в качестве объекта преобразования, но никогда – в качестве его опоры или стимула к изменениям. Их активный потенциал оказывается невостребованным... Со значительной долей уверенности можно утверждать, что государство само удерживает общество в своеобразном переходном состоянии от традиции к современности» [17].

Реформы институтов государственного управления проходили в социокультурной среде, для которой была свойственна «государственноцентричная матрица» развития (Е.Н. Мошелков) [14, с. 19]. Ее главная черта – соединение политической власти и собственности, ведущая роль государства в элементарном жизнеобеспечении общества. Действуя через бюрократический аппарат, государство в России всегда выступало инициатором преобразований, осуществляя тотальный контроль над политическими и социально-экономическими процессами, сопутствующими модернизации, регламентируя и рационализируя имперскую иерархию (осуществление модернизации политическими акторами без участия институтов гражданского общества).

Законом российской модернизации можно считать модернизацию «сверху» посредством бюрократической элиты [6, с. 21]. Однако власть всегда принимала жесткие меры по отношению к бюрократии. Управляя обществом (а порой и помыкая им), в отношениях с первым лицом государства российский политический класс, в отличие от европейской аристократии, сам был бесправным орудием [1, с. 43]. Своеобразной платой за приватизацию статуса элиты и обретения ею сопутствующих этой приватизации привилегий стал отказ российского политического класса на исходе XX в. от модернизационной миссии.

Важной предпосылкой модернизации становится появление во главе государства, представляющей модернизаторскую элиту, авторитетной личности, способной сконцентрировать политическую волю и обратить инструменты власти на пользу реформ [29, с. 8]. Авторитарные традиции сформировали у населения привычку персонифицировать власть и делать ставку на сильных руководителей государства, которые пользовались популярностью из-за низкой политической мобильности демократических институтов, что, в свою очередь, было обусловлено качественной неоднородностью (этнической, культурной, религиозной, региональной) населения страны: «русская власть предполагает режим персонификации» [20, с. 26]. Тем самым происходила своеобразная легализация того факта, что специфика управления, а подчас и его форма, может определяться характером конкретного представителя власти [25, с. 14].

Модернизацию в России С.Н. Гавров характеризует как имперскую модель, которая имеет в основе устойчиво воспроизводимую амбивалентную ситуацию, при

которой социокультурные основания цивилизации определяются внутренне стабилизирующим маятниковым циклом, где доминанта имперской модели модернизации сочетается с компонентой модели либеральной. Модернизационный процесс, по мнению исследователя, имеет устойчивую доминанту – имперскую модель модернизации, которая не связана с деконструкцией империи, напротив, ее успешное проведение способствует решению задач имперского строительства и воспроизводства в новых исторических и социокультурных условиях [4, с. 40].

Еще одной специфической чертой российской модернизации стала разновекторность модернизационных устремлений для государства и общества, сочетающая традиционализм и современность. В России процесс модернизации всегда инициировался политической элитой, что обусловило его анклавную специфику, а сами преобразования политического, экономического, духовно-культурного характеров были непонятны и чужды для большинства населения, поскольку носили так называемый «верхушечный характер», что и порождало модернизационные «откаты» или «срывы».

Для процессов модернизации характерно сложное взаимодействие современных и традиционных институтов, вследствие чего появляются диспропорции и рассогласование [17]. Традиционализм общественной жизни и политических практик, по мнению большинства исследователей, наложил большой отпечаток на характер российской политической модернизации. С.Н. Гавров полагает, что исторические катастрофы, в том числе революции, в течение последних столетий случались в России из-за слишком долгого и упорного стремления сохранить историческую, политическую, экономическую и культурную самобытность. Стремительность социокультурной социодинамики в рамках западной цивилизации требовала столь же стремительной реакции [4, с. 47], но если Европа шла путем буржуазных трансформаций, то Россия консервировала феодально-имперские основы социокультурной системы.

В модернизации России прослеживается еще одна особенность – укрепление регулирующей роли государства через усиление центра и ослабление периферии (регионов). По мнению Ш. Эйзенштата, из всех имперских систем Россия в XX в. обладала наиболее обособленным и легитимным традиционным центром с достаточно слабыми связями в кругу элит второго плана и между ними и с большими группами и социальными движениями. Центр был принципиально автономным и отдаленным от других групп и слоев, не позволяющим никакого доступа к себе, испытывая самое минимальное воздействие, и допускал минимальное участие [30, с. 280]. Отсюда – политика центра носила регулирующий и принудительный характер.

Задачи политической модернизации реализовывались в условиях цивилизационно неоднородного общества, что представляло большую сложность. В рамках единого государства объединялись и народы европейской Прибалтики, и кочевники Средней Азии, Сибири, Поволжья, высокоразвитые в промышленном отношении регионы центральной части России и локальные сообщества Севера [24, с. 110]. Модернизация в России приводила к изменению структуры и наполнению «центр-периферийных» отношений, что обуславливало возникновение этнокультурных конфликтов. Процесс модернизации затрагивает национальные отношения, что приводит к изменению социальных страт, к изменению роли титульных и пассионарных этносов, отсюда – ослабление национальной и усиление этнической идентичности, часто в истории России переходящей в сепаратизм и центростремительные государственно-территориальные тенденции. В циклах российской модернизации можно выявить следующую тенденцию: в периоды модернизационных «разломов» растет осознание региональной исключительности, противопоставления региональной идентичности «столичной». Этнотипы приобретают новые ценности, растет их пассионарность, происходит перегруппировка в политическом процессе.

Спецификой российской модернизации был ее «догоняющий» характер. Мотивом мобилизационных усилий, исходящих от политической элиты, в данном случае выступает реформирование общества с целью преодоления отставания страны вследствие актуализации экзогенного фактора или проигранных войн. Так, например, периферийная модель основана на стремлении стран, находящихся на периферии

(на второй или третьей линии от центра), сократить отставание от центральных, наиболее развитых государств (И. Валлерстайн). В качестве ядра могут выступать как наиболее развитые в экономическом аспекте страны (например, Б. Каргалицкий полагает, что особенности российского исторического развития и присущего ему типа модернизации можно объяснить периферийным положением России в миросистеме и таким же периферийным участием страны в процессах международного разделения труда и торговли [10, с. 501]), так и в технологическом отношении государства (В.Г. Погосян указывает, что за последние три столетия Россия и регионы, которые оказались в сфере влияния стран «технологического ядра», постоянно развивались в режиме «догоняющей модернизации» [22, с. 126]).

Российской политической модернизации была свойственна эндогенно-имитационная модель, для которой было характерно имитирование институтов и процедур, выработанных, как правило, на западной почве путем создания так называемых симулякров западноевропейских форм. При этом заимствованные формы наполнялись традиционным культурным содержанием, что порождало псевдоморфозы: «потенциал развития нашей страны накапливался путем не столько имитаций и использования симулякров модерности, сколько регламентаций и рационализацией имперской иерархии» [8, с. 72]. Свообразным «эталонном» модернизации для России выступали европейские государства, по образу которых проводились политические, социально-экономические и культурные преобразования. С этим обстоятельством всегда было связано стремление политической и административно-политической элиты к копированию зарубежного опыта и перенесению его на отечественную почву.

Политическую модернизацию можно охарактеризовать как «скачкообразную», проявляющуюся в многоукладности политической системы России, сочетающую в себе авторитарно-централизаторские устремления правящей элиты, имеющей сильное влияние на общество и демократические декоративные институты, слабо воздействующие на сферу политики [15, с. 21]. Модернизация по-русски имеет все черты «незападного политического процесса», определение которого дал Л. Пай [16, с. 66–68]. Среди этих черт – невыраженность границ между сферами общественной жизни; раскол в обществе в понимании базовых целей и средств политики; преобладание элит и клик в реальном принятии решений; разрыв между словами и действиями политических акторов; резкие различия в политических ориентациях сегментов общества (поколений, страт, этносов и т.д.); символизм и эмоциональность в восприятии политики и т.д.

Таким образом, политическая модернизация глубоко неоднородна, имеет черты непоследовательности и противоречивости. Потребность в реформах, вызванная внутренним состоянием общества и внешним влиянием Запада, сложилась раньше, чем созрели объективные условия реформ. Российская модель модернизации должна рассматриваться как некомплектная, а избирательная, поэтапная, растянутая во времени, опережающая в экономике, запаздывающая в политике.

Список литературы

1. Ачкасов В. А. Особенности эволюции российской государственности, или почему в России не сложилось нации-согражданства? / В. А. Ачкасов // Политическая экспертиза: Политэкс. – СПб., 2009. – Т. 5. – № 4. – С. 38–45.
2. Баранов Н. А. Политические отношения и политический процесс в современной России : курс лекций : в 3 ч. / Н. А. Баранов. – СПб. : БГТУ, 2004.
3. Вартумян А. А. Современные теории модернизации: российские реалии и западные стандарты / А. А. Вартумян // Россия в процессе модернизации: социально-политические аспекты (5–6 марта 2010 г.) : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. : в 3 т. – Армавир, 2010. – Т. 1. – С. 121–216.
4. Гавров С. Н. Модернизация во имя империи: социокультурные аспекты модернизационных процессов в России / С. Н. Гавров. – М. : УРСС, 2004.
5. Гаджиев К. С. Вестернизация или особый путь развития модернизации / К. С. Гаджиев // Полис. – 2008. – № 4.

6. Гаман-Голутвина О. В. Проблема субъекта российских модернизаций: теоретические и прикладные аспекты / О. В. Гаман-Голутвин // Власть и элиты в современной России. – СПб., 2005.
7. Загладин Н. В. Авторитаризм, демократия и внешние факторы модернизации // Модернизация, авторитаризм и демократия : сб. мат-лов конф. (ИМЭМО РАН, 29 марта 2010 г.) / отв. ред. Н. В. Загладин, В. И. Катагарова. – М. : ИМЭМО РАН, 2010. – С. 28–31.
8. Ильин М. Политическое самоопределение России / М. Ильин. – М., 2006.
9. Ильин М. В. Волны памяти versus сюжеты развития / М. В. Ильин // Волны и циклы политического развития : мат-лы заоч. круг. стола. – Режим доступа: <http://www.polisportal.ru>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
10. Каргалицкий Б. Периферийная империя: Россия и миросистема / Б. Каргалицкий. – М. : Ультра. Культура, 2004.
11. Кляйн К. Доктрина шока. Расцвет капитализма катастроф / К. Кляйн. – М., 2008.
12. Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики / Н. Д. Кондратьев. – М., 1989.
13. Моцелков Е. Н. Исторический процесс в свете теории длинных волн / Е.Н. Моцелков // Волны и циклы политического развития : мат-лы заоч. круг. стола. – Режим доступа: <http://www.polisportal.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
14. Моцелков Е. Н. Переходные процессы в России: Опыт ретроспективно-компаративного анализа социальной и политической динамики / Е. Н. Моцелков. – М., 1996.
15. Пантин Э. Особенности российской модернизации // Российская модернизация: размышляя о самобытном : сб. статей / под ред. Э. А. Паина. – М. : Три квадрата, 2008.
16. Пай Л. Незападный политический процесс / Л. Пай // Политическая наука. – 2003. – № 2. – С. 66–86.
17. Пантин В. В. Возможности циклически-волнового подхода к анализу политического развития / В. В. Пантин // Волны и циклы политического развития : мат-лы заоч. круг. стола / М. В. Ильин. – Режим доступа: <http://www.polisportal.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
18. Пантин В. И. Политическая модернизация России: циклы, особенности и закономерности / В. И. Пантин, В. В. Лапкин. – М., 2007.
19. Папинский В. М. Цикличность в истории России (Взгляд с позиций социальной экологии) / В. М. Папинский // Полис. – 1994. – № 4. – С. 27–33.
20. Пивоваров Ю. С. Русская власть и публичная политика / Ю. С. Пивоваров // Полис. – 2006. – № 1. – С. 20–26.
21. Пляйс Я. А. Тотальная системная модернизация – абсолютный императив для России / Я. А. Пляйс // Власть. – 2010. – № 3. – С. 5–8.
22. Погосян В. Г. Социальная модернизация: стратегия выживания / В. Г. Погосян. – М. : ИНИОН РАН, 2008.
23. Поляков Л. Методология исследования российской модернизации / Л. Поляков // Полис. – 1997. – № 3. – С. 7–11.
24. Притчина Е. В. Политическая культура в циклах российской модернизации / Е. В. Притчина. – Барнаул : Из-во Алтайского университета, 2005.
25. Романович Н. К вопросу о персонализации власти в России / Н. Романович // Власть. – 2009. – № 9. – С. 12–14.
26. Семенкова Л. И. Цивилизационные парадигмы в истории России / Л. И. Семенкова // Общественные науки и современность. – 1996. – № 6. – С. 40–44.
27. Сергеев Е. Н. Проблема модернизации в современной отечественной политической мысли / Е. Н. Сергеев // Социально-гуманитарные знания. – 2009. – № 9. – С. 179–182.
28. Тян В. Политическая модернизация в постсоветский период (характеристики и факторы своеобразия) / В. Тян // Власть. – 2009. – № 9. – С. 21–23.
29. Холодковский К. Г. Изживание традиционной модели российской модернизации / К. Г. Холодковский // Модернизация, авторитаризм и демократия : сб. мат-лов конф. (ИМЭМО РАН, 29 марта 2010 г.). – М., ИМЭМО РАН, 2010. – С. 6–8.
30. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Эйзенштадт ; пер. с англ. А. В. Гордона. – М. : Аспект Пресс, 1999.
31. Янов А. Тень Грозного царя. Загадки русской истории / А. Янов. – М., 1997.
32. Huntington S. Political development and Political decay / S. Huntington // Politics in Advanced Nations : Modernization Development and Contemporary Change : Prentice Hall, 1974.